

по К. различать случайные отклонения. Одним видом являются стилистические варианты (напр. в рукописи 16 в. вместо рус. арх. написаний род. п. ед. ч. *доушѣ* своеѣ** можно встретить *душа своя*). За каждым рукописным источником скрывается сложная цепь взаимных зависимостей между произношением и написанием. Их взаимная связь осознавалась всегда как столь тесная, что уже и первая теория книжного произношения органически перешла в теорию древнего правописания. Далее в учебнике толкуется термин „церковное произношение“, излагаются особенности древней орфографии, описывается взаимодействие произношения и правописания. На конкретном материале показываются последовательные этапы расшифровки древнего текста. Читатель знакомится с теми сложными и часто взаимоисключающимися положениями, в которые попадает исследователь.

Так как важным источником при изучении исторической фонологии является также современный диалектный материал, уделяется в предлагаемом учебном пособии особое внимание проблематике расшифровки данных современных говоров и всем вопросам с этим связанным.

В конце настоящей главы даются комментарии, касающиеся фонетического анализа древнейших славянских заимствований. В тексте приводятся две таблицы: в первой представлено соотношение славянских гласных с гласными тех языков, которые имеют древнейшие заимствования из славянского, вторая содержит аналогичные замечания относительно согласных фонем.

Вслед за изложениями второй главы следует краткое заключение („Заключение“, с. 112—113). К. в нем высказывает мысль о том, что много вопросов, связанных с проблематикой исторической фонологии до сих пор не решено. Поэтому призывает молодых ученых к исследованию древних письменных источников. В конце книги приложен список литературы, на которую К. опирался при создании предлагаемого учебного пособия („Литература“, с. 113—120).

В работе используются примеры из исследовательской практики русистов за последние сто лет, а также из личного опыта автора. Она предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей факультетов, готовящих будущих русистов. Она может быть полезна также для широкого круга лиц, интересующихся проблемами лингвистической интерпретации древнерусских памятников.

Алеш Бранднер

Александр Никитович Кожин: Литературный язык Московской Руси. Учебное пособие. Москва, „Русский язык“, 1984, 181 с.

К середине 12 в. Киевское государство постепенно переходит к упадку, Киев перестает быть экономическим и политическим центром всей восточнославянской территории, превратившись в относительно небольшое удельное княжество. В этот период книжно-славянский тип языка не претерпевает существенных изменений; сила традиции сохраняет его в более или менее неизменном виде во всех удельных княжествах. Что касается народно-литературного типа языка, то он будучи тесно связанным с живой народной речью и устным поэтическим творчеством, не может не отражать усилившихся диалектных различий восточнославянского языка.

В предлагаемом учебном пособии дается описание важнейшего этапа истории русского литературного языка, когда в северо-восточной Руси укрепляются и развиваются княжества Владимирское, Ростовское, Суздальское, а позднее Московское. Москва становится столицей Русского государства, в пределах которого

в 14—17 вв. складывается русская (великорусская) народность и ее язык. Настоящее учебное пособие является продолжением раньше изданной работы, анализировавшей проблематику развития русского литературного языка в период Киевской Руси („История русского литературного языка — Киевская Русь.“ Учебное пособие для студентов историко-филологического факультета Университета дружбы народов. Москва, 1972, 154 с.). Оно состоит из трех частей.

В первой части („Формирование разговорного языка великорусской народности“, с. 5—57) рассматриваются события, завершившие процесс формирования русских тенденций в сфере общения; некоторые особенности прежней (древнерусской) речи отмирают, уступая место речевым явлениям, свойственным разговорной речи населения северо-восточной части русской земли. С течением времени диалектно-разговорная речь обретает облик общерусской речи. Общерусские речевые особенности распространяются и закрепляются посредством письменности. Этому содействует и появление печатных книг.

Московская речь имела все особенности речи общерусской; она была более умеренной, диалектно нивелированной. К 17 столетию прослеживается демаркационная линия, отделяющая русский язык от родственных восточнославянских языков — украинского и белорусского. Его словарный состав в 15—17 вв. обогащается словами, которые в письменности прежних эпох не прослеживаются.

Письменность времени сложения Московского государства представлена произведениями, которые написаны и на книжно-славянском языке, и на языке русском. Значительный интерес представляют произведения, созданные на базе русского языка, и, в первую очередь, официальные документы Московского делопроизводства. Они отражают особенности живой общерусской речи коренного населения Москвы. Московский деловой письменный язык сближается с русской, точнее — среднерусской народно-диалектной базой деловой речи. Тут постепенно формируются грамматические и орфографические нормы литературного языка на народной основе. В то же время намечается сужение общественных функций книжно-славянского языка, а также формирование на базе его системы риторического стиля русской письменности. Т. наз. второе южнославянское влияние не затронуло русского письменного языка, оно в известной мере привело к архаизации русского правописания и к сближению его с южнославянской орфографией. В этот период зарождается интерес к языку. Появляются первые грамматические труды, которые упоминаются в самом конце первой части книги (см. с. 54—57).

Во второй части („Формирование языка русской нации“, с. 58 по 104) описываются предпосылки для перерастания русской народности в русскую нацию, для преобразования языка русской народности в язык русской нации. Начало 17 в. — это время, когда все русские земли входят в единое государственное образование. Развитие капитализма ведет к уничтожению феодальной раздробленности, к подъему экономических связей между отдельными областями, к объединению местных рынков в один общенациональный рынок. Преобразование языка народности в язык нации происходило в условиях, когда необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке. По мере обособления церковнославянского языка, превращения его в культовый язык в пору становления национального языка русского народа, происходит стирание граней между прежде противопоставленными системами литературного выражения, между приемами литературного изложения на базе русской или книжно-славянской речи. Средства книжно-славянского и народно-литературного типов начинают восприниматься как стилистически маркированные разновидности единой системы выразительных средств русской письменности. Сложный и длительный процесс приводит к тому, что речь письменно-деловая, литературно-повествовательная и литературно-художественная обогащается в 17 в. средствами общерусского, национального языка,

которые обретают права литературности, нормированности. Таким образом происходит постепенное устранение двуязычия.

В этот период возрастает роль переводной литературы. Это обстоятельство способствует проникновению чужестранных слов в систему литературного словаря русского народа. Иноязычные слова оттесняли архаичную, церковнославянскую лексику и тем самым расширяли семантическую базу литературного языка. Описание речевых явлений в обеих частях пособия дается по памяткам письменности Московской Руси. В качестве иллюстративного материала используются литературные тексты, которые напечатаны в соответствии с современной графикой.

Третья часть работы („Старорусские тексты и их переводы на современный русский язык“, с. 105—168) содержит выдержки литературных текстов, дающие представление о языке важнейших памятников русской письменности 14—17 столетий. Они переводятся на современный русский литературный язык; это содействует лучшему осмыслению языковых явлений и развитию навыков, связанных с их анализом и лингвистическим комментированием. Непонятные для современного читателя слова, встречающиеся в текстах, толкуются в словаре, заключающем настоящее пособие („Словарь к текстам“, с. 169—177). В самом конце книги приводится список лингвистических работ, имеющих отношение к анализируемой проблематике („Библиография“, с. 178—179).

Рецензируемая работа является инструктивным учебным пособием для всех, кого интересуют вопросы, связанные с проблематикой истории русского литературного языка в период Московской Руси.

Алеш Бранднер

Marja Rutkowska: Nie znane polszczyźnie rosyjskie prefigowanie derywaty odczasownikowe z elementem -sja (typu doleżał'sja, priest'sja). Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, Wrocław 1981. S. 162.

Польская русистка Мария Рутковская, автор предлагаемой работы, занимается в своей научной деятельности проблематикой словообразования глаголов в русском языке в сравнительном плане с польским языком. Одним из широко представленных способов глагольного словообразования в русском языке является способ префиксально-постфиксальный. Префиксально-постфиксальные глаголы мотивируются глаголами несовершенного вида, в единичных случаях глаголами совершенного вида. Они непереходные, относятся к совершенному виду. Вместе с постфиксом *-ся/-сь* в состав словообразовательного форманта этих глаголов входят префиксы *в-, вз-, вы-, до-, за-, из-, на-, о-, об-, от-, под-, при-, про-, раз-, с-, у-*.

Вопрос префиксально-постфиксальных глаголов анализируется в настоящей работе. На основании выборки толковых словарей русского языка („Толковый словарь русского языка.“ Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4, Москва, 1935—1940; „Словарь русского языка в четырех томах.“ т. 1—4, АН СССР, Москва, 1957—1961; „Словарь современного русского литературного языка.“ АН СССР, Институт русского языка, т. 1—17, Москва—Ленинград, 1950—1965) Р. собрала богатый материал, представляющий свыше 5000 префиксальных глаголов. Оказалось, однако, что только часть из них требует новой обработки. Р. обратила внимание на глаголы, значение которых В. В. Виноградов („Русский язык. Грамматическое учение о слове.“ Москва—Ленинград, 1947, с. 636—637) определил как косвенно-результативно-возвратные. Это глаголы, которые можно наглядно регистрировать при помощи следующего образца: *PREF-V-SJA*. Этот тип глаголов хоть известен также